

Тихий свет Переславля

Время подвигов и молитв преподобного Даниила игумена Переславского — это время формирования и утверждения самодержавия — православной монархии — новой государственной формы и структуры управления, соответствовавшей требованиям времени.

С начала XVI века, поднимаясь с колен Русь постепенно осознала себя могучей Россией, великой православной державой. И что очень важно заметить — первые самодержцы Иван III и его сын Василий III, при твёрдом единовластии, сохранили и возвели в традицию и образец для потомков глубокое и искреннее уважение к Православной церкви и её святыням. Церковная жизнь была не частью придворного этикета, а образом жизни государя и его двора, что, в свою очередь, являлось образцом для всего народа.

Духовное просвещение возрождённой Руси до самых её глубин происходило главным образом посредством подвижнической деятельности монастырей, которые в большом числе возникали в тот славный период в самых отдалённых уголках страны и являлись своеобразными очагами колонизации диких земель. Они скрепляли молодую державу духовными, политическими и экономическими узами, превращая её в единый здоровый организм, энергичный и целеустремлённый. Только из Свято-Троицкой Сергиевой Лавры вышло около 40 основателей будущих монастырей. Государственная власть с полным доверием пользовалась советами и помощью духовной власти и не претендовала на абсолютное её подчинение.

Как известно, догматическое и юридическое основание Православное Самодержавие получило вскоре после своего рождения в законах византийского императора Юстиниана и включённых святым патриархом Фотием в Номоканон, а затем и в Славянскую Кормчую. Там говорится:

Величайшие блага, дарованные людям высшею благодатью Божией, суть священство и царство, из которых первое заботится о божественных делах, а второе руководит и заботится о человеческих делах, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни.

В деяниях VII Вселенского собора также сказано: «Священство есть освящение и укрепление императорской власти, а императорская власть есть сила и поддержка священства».

Первые московские самодержцы понимали, что подвластная, угодливая придворная церковь неизбежно потеряет своё главное сокровище — Благодать Духа Святого и превратится в мёртвый административный аппарат, более вредный, чем полезный. Это единство и равенство государственной и духовной власти, с мудрым осознанием грани между ними, запечатлелось в усвоении Московским государством в качестве национального государственного герба, двуглавого византийского орла.

Так среди народов Евразийского континента утверждается новое молодое и могучее Московское государство: православное по духу и самодержавное по форме, Промыслом Божиим предназначенное быть государством-Богоносцем, государством-оплотом и твердыней Святого Православия, — государством-миссионером. Ибо с того момента Россия примером своей яркой истории как бы указывает всем народам на простую, но так трудно усваиваемую многими, самим Создателем заповеданную истину: «Без Меня не можете творить ничего» — «Разумейте народы и покоряйтесь, яко с нами Бог!»

Этот период нашей истории можно образно охарактеризовать известным выражением: «Тяжела ты, шапка Мономаха!» Это период роста, политического и экономического развития Российского царства, укрепления самодержавной монархии, дальнейшей духовной и структурной организации церковной жизни народа. В этом же периоде мы видим и первые симптомы смертельно опасного заболевания: повреждения симфонии духовной и государственной власти, перерождение животворной православной монархии в мертвящий и развращённый абсолютизм.

Не удивительно, что растущее православное Московское царство немедленно столкнулось с сильным противодействием своей политике немирных своих соседей как с юго-востока, так и с запада. Силы, предвкусывающие победу над Христовой Православной церковью с падением Византии (1453 г.) и отпадением от тела Церкви римо-католиков, скоро поняли, что радость их преждевременна. Не видя силы, в то время, для открытого широкого вторжения на русские земли, неугомонные «купцы» сосредоточились на внутренней подрывной работе.

Уже при жизни преподобного Даниила обличается и искореняется занесённая в Псков извне ересь стригольников. Позже укореняется и опасно потрясает основы Московского государства «ересь жидовствующих», также сфабрикованная и щедро оплаченная за пределами страны.

Преподобному Даниилу, в числе многих учеников и товарищей преподобного Иосифа Волоцкого, придется много потрудиться и при разрешении долгого и трудного спора о монастырском землевладении. Имея возможность для прямого общения с государем, преподобный Даниил своим добрым и мудрым словом помог окончательно убедить власть государственную, что разумное землевладение монастырей, рачительное ведение монастырского хозяйства — укрепляют, развивают и одухотворяют связь государственной и духовной власти с народом, что делает крепкой и здоровой всю державу и весь народ. До конца дней своих оставаясь твёрдым и убеждённым «осифлянином», то есть последователем политики и учения преподобного Иосифа Волоцкого в отношениях между государством и монастырями, блаженный игумен на примере своей обители доказал всю пользу монастырского управления землёй и хозяйством. Но при большом увеличении количества монастырей, естественно, не могли не обнаружиться и недостатки, и злоупотребления в жизни некоторых обителей. Недоброжелатели надеялись обратить эти недостатки против всего замечательного и чудесного явления необыкновенного роста по всей стране новых твердынь православной веры и самодержавной власти.

Пример того времени характерной критики монастырей-землевладельцев, чрезмерно приязанных к собственности, находим в сочинениях преподобного Максима Грека:

Возлюби, душе моя, худшие одежды, худшую пищу, благочестивые бдения, проводи бессонные ночи над боговдохновенными книгами, огорчай плоть свою суровым житием, гнушайся всего, что услаждает её. Убегай губительной праздности, ешь хлеб, приобретённый собственным трудом... Неужели ты думаешь угодить Богу своими долгими молитвами и чёрною власяницею, когда в то же время собираешь лихоимством несправедливое богатство, наполняешь амбары съестными припасами и дорогими напитками, накапливаешь в сёлах высокие стога жита для того, чтобы дороже продать во время голода?..

Конечно, упрёки «нестяжателей» имели под собой основание, но в массе своей — это бесспорный факт — монастыри жили просто и даже бедно. Вот, например, описание состояния иноков того же времени, сделанное Зиновием Отенским:

Плакать мне хочется от жалости сердечной, когда вспомню, как живут эти иноки, которых осуждают за владения сёлами: кожа на руках у них растрескалась от работы, руки и ноги опухли, лица осунулись, сборщики податей истязуют их, денег у них столько, что у нищего их более, пища их — хлеб овсяный невейный, колосья ржаные толчёные, горячее кушание — из капустного листа, овощи — свёкла и репа, сладкое — рябина и калина...

А вот что писал о монастырях много позже известный историк В. О. Ключевский: «По задачам иночества, монахи должны питаться от своих трудов, свои труды ясти и пити, а не жить подаянием мирян». Среди основателей и собиравшейся к ним рядовой братии

пустынных монастырей встречались люди из разных классов общества — бояре, купцы, промышленники и ремесленники, иногда люди духовного происхождения, очень часто крестьяне. Общежительный монастырь, под руководством деятельного основателя, представлял рабочую общину, в которой занятия строго распределялись между всеми: каждый знал своё дело и работы каждого шли «на братскую нужду», «чин всякого рукоделия»: кто книги пишет, кто книгам учится, кто рыболовные сети плетёт, кто кельи строит; одни дрова и воду носили в пекарню, где другие готовили хлеб и варево, хотя много было служб в монастыре, вся братия сама их исправляла, не допуская до того мирян, монастырских служек. Первой хозяйственной заботой основателя пустынного монастыря было освоение окрестной земли силами собирающейся в нём братии. Пока на монастырскую землю не садились крестьяне, монастырь самостоятельно обрабатывал её «всем своим составом, с настоятелем во главе выходя на лесные и полевые работы». От себя добавим, что все побывавшие в русских монастырях в XVIII—XIX веках отмечают их удивительную ухоженность, необыкновенное трудолюбие монахов, сумевших в сложных климатических условиях создать настоящие оазисы. «Труд — дело святое», — как бы отвечая своим оппонентам, говорили монахи, создавая настоящие образцовые хозяйства, выращивая на севере южные фрукты, превращая бесплодную землю в цветущий сад, возводя чуть ли не голыми руками сложные инженерные сооружения, в отличие от нас сегодняшних, считающих труд проклятием и превращающих с помощью могучей техники цветущую землю в бесплодную пустыню.

«Заволжские старцы», возглавляемые знаменитым подвижником преподобным Нилом Сорским, взгляды которого разделял и Максим Грек, отстаивали аскетическое направление в жизни монастырей, в принципе отвергая всякую собственность. Орлиный, государственный взгляд преподобного Иосифа Волоцкого проникал в суть вопроса глубже «нестяжателей». И пример жизнедеятельности Свято-Троицкого Данилова монастыря был лучшим наглядным доказательством правоты «осифлян»: строгая подвижническая, аскетическая жизнь монахов и иноков сочеталась с большой и разнообразной хозяйственной, просветительной, медицинской, социальной и даже общегосударственной их деятельностью, не в ущерб, а на пользу душам и всему государеву делу державного строительства.

На южных окраинах города, у дороги, ведущей в Москву, расположились строения Фёдоровского монастыря — одного из самых знатных и богатых в прошлом монастырей Переславля. Знатность и богатство обители определялось, помимо благочестия и трудолюбия его насельников, в значительной степени покровительством царствующей династии Романовых, семейной иконой которых являлся высокочтимый в роду образ Фёдоровской Божией Матери. Возведён Фёдоровский монастырь на месте кровопролитной битвы, которая произошла в июле 1304 г. В день Фёдора Стратилата между войсками двух соперничающих за великокняжеское достоинство князей — Московского и Тверского. Господь даровал победу Москве, а в память о сём важном сражении и был заложен монастырь, носящий имя святого воина. В битве участвовал сам Иван Калита и проявил недюжинный полководческий талант и личную храбрость. К слову заметим, что кровавые сражения русских князей и стремление их к великокняжеской власти в период ордынского ига имели уже иные движущие силы, нежели междуусобицы вольных князей Киевской и Владимирской Руси. Не жажда наживы и личной власти заставляла поднимать меч на соплеменников московских, тверских, рязанских и других князей, а горячее, искреннее стремление спасти Отечество и сбросить постылое и ненавистное иго. Каждый князь видел пути к освобождению Родины по-своему, единого общенационального вождя, подобно святому Александру Невскому, у русских тогда уже не было, и правоту свою можно было доказать, по тем представлениям, лишь силой. Потому и были сражения того периода столь ожесточёнными и бескомпромиссными: терять было нечего, а победа вселяла надежду на грядущую свободу. Надо сказать, что свойство не жалеть ни себя, ни других ради высших духовных идеалов — характерная черта русского человека, и прослеживается она в истории России вплоть до скифов, скотов и далее. Так, ещё Страбон отмечал обострённое чувство справедливости, нестяжательство и презрение к богатству у земледельческих племён Скифии. В отличие от разного рода «благонамеренных», «благовоспитанных» и прочих «благоразумненьких», русский человек всегда имел (и, даст Бог, иметь будет!) такие духовные ценности, ради которых он с готовностью сложит свою буйную головушку.

Святой великомученик Фёдор Стратилат являлся небесным покровителем рода Рюриковичей и Годуновых, и потому любили бывать в обители на богомолье государи московские Иван Васильевич III, Василий Иванович III, цари Иван Грозный, Фёдор Иоаннович, а позже и Борис Годунов со чадами и домочадцами.

Точная дата основания монастыря не установлена, но в грамотах, посланных от имени великого князя Василия Ивановича в 1511 г., Фёдоровская обитель упоминается уже как полнокровный и широко известный православный духовный центр. До 1667 г. монастырь был мужским. После же тяжкого бедствия — эпидемии чумы или «моровой язвы», выкосившей в то время более трёх четвертей городского населения, многие овдовевшие и осиротевшие женщины и девицы Переславля, окрестных сел и деревень приняли иночество. Но жить им было негде, так как все пригородные монастыри были мужскими. Тяжело приходилось инокиням без своего крова и защиты: «иныя-де во граде и по сёлам, и по деревням живут в мирских домах, иныя-де скитаются меж домов и от скудости помирают голодной смертью». Посему было решено Фёдоровскую обитель обратить в «девический монастырь», а немногочисленную в то время братию перевести в соседние монастыри — Даниловский, Горицкий и Никитский. В Фёдоровской обители было велено оставить лишь «чёрного священника (иеромонаха) и двух старых и доброжелательных беззасорных людей». С того времени и до закрытия в 1923 году Фёдоровский монастырь был женским и одним из самых многолюдных и известных в здешних краях. В настоящее время о былом великолепии обители можно догадываться по сохранившимся на его некогда обширной территории некоторым церквям и главному сооружению монастыря — могучему собору Феодора Стратилата. Считается, что собор сооружён в 1557 г. по приказу Ивана Грозного в честь рождения близ Фёдоровского монастыря его сына — Фёдора. Величественная и вместе с тем нарядная (по описанию старожилов) колокольня, с которой открывался необычайно живописный вид на озеро и город, в тридцатых годах была разобрана, церкви и кельи неузнаваемо перестроены, а точнее — бессовестным образом приспособлены к бытовым потребностям новых «хозяев». Так, например, Введенская церковь, сооружённая в 1710 г. на средства любимой сестры Петра I, царевны Наталии Алексеевны была немислимым образом искалечена и кощунственно переоборудована под баню и прачечную.¹

Сохранились остатки монастырской стены, хорошо заметной со стороны московской дороги. Каменной оградой монастырь был обнесён в 1681 г., но стены по своему устройству уже не имеют значения оборонных сооружений — в них нет бойниц и к боевым действиям они не приспособлены — быстро крепнущая московская держава в это время столь глубокого проникновения неприятеля на свою территорию не могла себе даже представить. Изменилась и тактика боевых действий: монастыри теряли значение крепостей военных, утверждаясь всё более как твердыни веры и крепости православия в невидимой, но не прекращающейся ни на мгновение брани духовной. (И уж, конечно, не предполагали наши благочестивые предки, что через три столетия по улицам их родного города будут спокойно разгуливать белые, чёрные, голубые и тому подобные «братья», стучать в бубны поклонники чёрного Кришны, ломиться в квартиры переславцев некие «свидетели» и прочие сектанты).²

Прославлен Фёдоровский монастырь, кроме прочих своих заслуг, именем смиренного и кроткого своего строителя блаженного Сергия, схимника Переславского (первая половина XVI в.), мощи которого были обретены чудесным образом во время строительства Введенской церкви. Сразу по обретению святыни у мощей произошли многочисленные чудотворения и по требованию богомольцев над гробом блаженного Сергия стали служить панихиды как над местночтимым святым. В прославлении мощей переславского схимника приняла деятельное участие царевна Наталия Алексеевна. Мы не найдём в «Житиях Русских святых» жизнеописания святого подвижника Сергия, но в соборе Ростово-Ярославских

¹Точно так же были приспособлены к бытовым потребностям новых «хозяев» построенные в Советском Союзе дома отдыха, кинотеатры, столовые и множество других учреждений, которые ныне используются для бессовестного стяжания денег рвачами, получившими имущество в результате антинародного переворота 1991 года и хищнической «приватизации». — *Ред.*

²Мы вполне можем понять наших предков, ведь нам тоже казалась дикой мысль о том, что в созданных нашей Родиной, нашим народом культурных, просветительских и социально-бытовых учреждениях засядут «предприниматели», богатеющие за наш счёт. — *Ред.*

святых в числе Блаженных и Христа ради юродивых значится его достойное имя.

В трёх километрах от Фёдоровского монастыря в сторону Москвы, недалеко от шоссе (от «Великой Переяславской дороги») стоит кирпично-красная, привлекающая взгляд всех проезжающих своей затейливой и в то же время очень выразительной старинной архитектурой, Фёдоровская часовня. Точная дата её основания неизвестна. Вероятно, вначале она была деревянной, а в середине XVII века заменена кирпичной. Известно, что в прошлом веке часовня была за ветхостью разобрана и выстроена на прежнем месте и в прежнем виде заново. В недалёком прошлом в часовне стоял большой деревянный крест, отчего и по сей день она переславцам более известна как часовня «Крест». Место это любимо горожанами и гостями города. По преданию, недалеко от этого места, там, где сейчас шумит сосновый борок, существовало некогда деревенька Собилка (или Собилово), в которой, после моления в Фёдоровской обители, благополучно разрешилась от бремени царица Анастасия. Так появился на свет Божий наследник царского престола и нелёгкого «наследия» Грозного государя, — царь Фёдор Иоаннович.

Помня о том, что он был крестником преподобного Даниила, и постоянно встречая в Переславле верную поддержку своей жёсткой самодержавной политике, Иван Васильевич IV делает богатые и многочисленные вклады в Троице-Даниловскую обитель, укрепляет и перестраивает Фёдоровский и Никитский монастыри. Начало этому строительству и полагает памятная часовня «Крест» (а завершила его, заметим к слову, капитальная перестройка и украшение церкви Петра Митрополита Московского, имя которого было дорого Ивану Грозному, так как царь справедливо считал себя продолжателем дела святителя Петра по укреплению Московского государства и царского единовластия).¹

Не касаясь внешней политики государя, отметим, что не без оснований юный Иван IV видел угрозу лично для себя и собственно идее самодержавной монархии со стороны родовитого боярства и «княжат», то есть потомков удельных князей, смиренных и обращённых в боярство ещё Иваном III. Иван IV пошёл дальше и с помощью опричнины богатейших, знатнейших и, следовательно, влиятельных и самостоятельных бояр «смирил» до положения средне-мелкого служивого дворянства. Позже, в царствование Петра I, мы увидим продолжение этой политики, но уже доведённой до абсурда и получившей обратный знак, когда у государева престола толпой встанут иностранцы и иноверцы.

С благоговением постоим у замечательной часовни-святыни и вспомним о том, что связанный с ней светлый образ царя Фёдора Иоанновича вошёл в историю России как образ государя-молитвенника, чаяниями которого впервые на Руси было учреждено патриаршество — событие, значение которого для Российского государства и Православной церкви трудно переоценить. Сам царь Фёдор Иоаннович, человек по характеру тихий и богомольный — удивительный пример кротости и благочестия на троне. Русские люди считали его святым и говорили, что царь Фёдор, не входя в дела, праведной молитвой спасал и управлял своё царство, которое при благочестивом и кротком государе успокоилось и процвело. Вместо судов и казней в земле Русской наступила тишина и спокойствие, люди «начаша от скорби бывшия утешатися и тихо безмятежно жити». Тихо вернул в царство Фёдор Иоаннович западные земли, потерянные его родителем в пользу Швеции (Иван-город, Орешек и другие); молитвою, без боя обратил в бегство Крымского хана, тихо утвердил руку Москвы в покорённом Сибирском ханстве, в котором были поставлены русские города-крепости со «стольным» Тобольском во главе. Были сделаны и важные указы о внутреннем порядке, в частности, указы о крестьянах. «Возложи на Господа заботы твои и Он поддержит тебя. Никогда не даст Он поколебаться праведнику» (Пс. 54, 23). Жизнь свою и делами царь Фёдор Иоаннович, последний царь московской династии Рюриковичей, как бы взял на себя и покрыл праведной молитвой грехи семисотлетней династии. И не забудем, что на святой земле Переславля родился и тихо просиял сей образец жития мужа державного. В дальнейшем, к сожалению и к великой скорби земли Российской, иные люди долгое время

¹Подробнее и правдивее этот вопрос разобран Л. Б. Сукиной: Сукина, Л. Б. Ещё раз о дате строительства церкви Петра Митрополита в Переславле-Залесском: опыт историко-культурной интерпретации причин «обновления» храма / Л. Б. Сукина // История и культура Ростовской земли, 1999 г. — Ростов, 2000. — С. 169—173. — Ред.

будут домогаться царского престола, но «Услышит Бог и смирит их... потому что нет в них перемены; они не боятся Бога...» (Пс. 54, 20).